

Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Новая серия, т. LVII, М., 1960, 316 стр.

В рецензируемой книге — три основные статьи, посвященные отдельным группам русского народа, расселенным на территории Русской равнины и Приуралья: 1. «Материальная культура русского сельского населения западных областей во второй половине XIX и в начале XX в.» (авторы: О. А. Ганцкая, Л. Н. Чижикина, Н. И. Лебедева); 2. «Материальная культура русского сельского и заводского населения Приуралья (XIX — начало XX в.)» (авторы: Г. С. Маслова, Т. В. Станюкович); 3. «Материальная культура сельского населения южновеликорусских областей, XIX — начало XX в.» (авторы: Н. И. Лебедева, О. А. Ганцкая, А. С. Парникова, В. А. Горелов). В приложении дана статья Н. Яснецкого «Деревянное строительство в Печорском крае».

Выход в свет данного сборника представляет значительный вклад в дело дальнейшего изучения русского народа, его этнической истории. В научный оборот введены новые полевые этнографические и музейные материалы, представляющие большую ценность для исторической науки.

Русский народ численностью около 115 млн. чел. расселен по всей территории нашей страны. В одних районах русские живут компактными массивами, в других впере­мешку с нерусскими народами. За длительный исторический период своего развития отдельные группы русских выработали ряд особенностей в культуре и быте. Изучение этих особенностей важно для познания истории не только русского народа, но и истории многих нерусских народов нашей страны, процесс формирования которых завершился в условиях государственной общности с русскими. Несмотря на значительную литературу, характеризующую быт русского народа в XIX в., имеется ряд областей, русское население которых либо вовсе не изучалось, либо имеющаяся о нем литература может быть использована лишь в качестве подсобного источника (например, книга Н. С. Попова «Хозяйственное описание Пермской губернии», вышедшая в начале XIX в.). Рецензируемая книга в значительной степени восполняет этот пробел. Авторы на основании полевого этнографического материала (собранного в экспедициях 1953—1956 гг. с привлечением имеющейся литературы, архивных документов, музейных коллекций) дают подробную характеристику хозяйства, жилищ и поселений, одежды, пищи и домашней утвари русского населения указанных областей во второй половине XIX — начале XX в. В книге показано, как складывались, развивались и изменялись отдельные элементы материальной культуры в зависимости от изменения социально-экономических условий. Данное исследование имеет особое значение еще и потому, что сейчас в деревне от старого традиционного быта почти ничего не осталось. Изменились планировка жилого помещения, внешний вид сельских поселений и отдельных усадеб. Жизнь нашей деревни меняется с каждым днем. Идет быстрый процесс стирания культурно-бытовых различий между городом и деревней. Это ставит перед этнографами задачу быстрее изучения остатков традиционного быта (чтобы сохранить для истории исчезающие или недавно исчезнувшие бытовые элементы) и необходимости использования полученных материалов для решения вопросов этнической истории народов нашей страны. Эти задачи успешно решены авторами рецензируемой книги. На большом фактическом материале показаны культурно-бытовые и хозяйственные связи русского населения рассматриваемых областей как с рядом живущими нерусскими народами, так и с русскими, живущими в других районах Советского Союза. Это дало возможность объяснить происхождение того или иного бытового элемента, показать его локальные разновидности, выделить в каждой области этнографические районы.

Вторая половина XIX в. — период бурного проникновения капитализма в деревню. Авторы хорошо показали влияние капиталистических отношений на многие стороны быта русской деревни, разрушение старых традиционных форм и появление новых (распад неразделенных семей, развитие отходничества, появление у богатых крестьян усовершенствованных сельскохозяйственных орудий, изменение планировки и обстановки жилых домов, появление новых видов одежды и т. д.). В статьях приводятся высказывания информаторов — представителей старшего поколения, которые сами ухаживали за заработки, носили дотоканную одежду, обрабатывали землю старинными сельскохозяйственными орудиями, словом, на собственном опыте познали тяжелую жизнь русской дореволюционной деревни. Положительным является то, что в работе даны сведения о современном состоянии рассматриваемых элементов материальной культуры. К сожалению, сведения эти очень кратки, схематичны и не всегда подкреплены статистическими данными (сколько, например, сохранилось сейчас полатей, типов планировок жилищ и усадеб, соломенных покрытий и т. д.). Работа очень хорошо иллюстрирована многочисленными рисунками (художники: Н. А. Юсов, Б. А. Комаров, Н. Яснецкий), фотографиями (фотографы: В. В. Вентцель, Р. П. Беляев), планами отдельных жилищ, хозяйственных построек и усадеб (архитектор З. Н. Кудрявцева).

Остановимся на отдельных работах, входящих в сборник. В статье О. А. Ганцкой, Н. И. Лебедевой, Л. Н. Чижикиной рассматривается материальная культура русского населения Смоленской, Великолукской областей РСФСР, Витебской области БССР и восточной части Латвийской ССР. На этой территории живут русские, белорусы, латыши. Длительные хозяйственно-культурные связи совместно живущих народов оказали определенное влияние на быт русских крестьян. Авторы, подчеркивая общерусскую

специфику всех элементов материальной культуры, показывают и особенности, отличающие быт русского населения исследованной территории от других областей нашей страны. Так, во внутренней планировке жилого дома, технике сооружения отдельных сельскохозяйственных построек, в терминологии проявляется сходство с жилищем белорусов. Об этом же свидетельствует и материал об одежде: бытование еще в недавнем прошлом лаптей-коверзней, рубашки с прямыми поликами, черных обор, поршней, штанов белорусского покроя и др. Характеризуя простейшие сельскохозяйственные орудия, жилища, постройки, народную одежду, авторы показывают их глубокие местные исторические корни, а также влияние новгородской и московской культуры (распространение косоклиных сарафанов, кокошников, типов вышивок, верхней туникообразной одежды, московского типа лаптей и др.). Изложенный в работе материал дал возможность выделить на территории Западного края этнографические районы, каждый из которых обладает рядом локальных особенностей.

В отношении рассмотренной работы наши замечания сводятся к следующему. Говоря о промыслах, следовало бы указать, имели ли они на рассматриваемой территории глубокие исторические корни или получили развитие только во второй половине XIX в. в связи с обезземеливанием основной массы крестьян. На стр. 13 говорится, что развитию отходничества способствовало наличие больших семей, так как из-за малоземелья создавался излишек рабочей силы. Однако этот излишек создавался и в малой семье, что было обусловлено не только малоземельем, но и примитивной сельскохозяйственной техникой, отсутствием агротехнических мероприятий, которые давали бы возможность интенсифицировать крестьянское хозяйство. По подсчетам экономистов, в б. Казанской губ., например, русский крестьянин на ведение своего хозяйства тратил только 25% имеющегося в его распоряжении рабочего времени. Но так как обрабатываемый участок не мог прокормить крестьянскую семью, оставшиеся 75% «свободного» времени расходовались на всевозможные побочные заработки, промыслы. А. Карелин, например, в конце XIX в. писал, что семья в пять человек свободно выделяет в «отход» тронх, а остальные справляются со всеми работами¹.

В разделе «Поселение и жилище» следовало бы дать классификацию поселений. Приводимая характеристика: «Дома обычно вытягиваются в ряд вдоль дороги, иногда же они расположены вдоль ручьев, по балкам и оврагам» не дает представления о преобладающем типе поселений рассматриваемой территории. Ведь трактовая дорога может проходить мимо речек, ручьев, балок и т. д. Хотелось бы знать примерное соотношение для данного района селений, расположенных на водоразделе и в долинах рек и речек. Это интересно с точки зрения влияния природно-географической среды на характер поселений.

В работе приводится много планов жилищ и усадеб, отдельных хозяйственных построек, но нет ни одного плана селения в целом. Воспоминание информатора М. О. Осечкина (стр. 16) о том, что в старину дома стояли разбросанно, можно было бы подкрепить планами деревень того периода, используя для этой цели крупномасштабные планы конца XIX в. (одноверстные или двухверстные карты).

Вызывает некоторое возражение изложение материала об одежде по отдельным административным районам. Нам думается, что лучше было бы дать характеристику одежды русских крестьян всего Западного края, а потом по имеющимся различиям выделить этнографические районы. Возможно, они и не совпали бы с административными границами.

В работе Г. С. Масловой и Т. В. Станюкович дается характеристика поселений и жилищ, одежды, пищи и хозяйственной утвари русского населения Кировской, Пермской, Свердловской областей и восточных районов Татарской АССР. Рассматриваемая территория очень сложна по истории заселения и своему многонациональному составу. Эта сложность нашла свое отражение на многих элементах материальной культуры, что весьма обстоятельно показано в статье. Особенно интересны многочисленные примеры, свидетельствующие о тесных культурно-бытовых связях русских с марийцами, удмуртами, коми, татарами и другими народами. Авторы приводят примеры бытования среди русских крестьян марийской туникообразной рубашки, удмуртского головного убора (вязаного из белых ниток колпака), татарских шапок, ношение обуви с кожаными галошами, малицы, распространение вышивок, как по узорам, так и технике исполнения напоминающих татарские, и т. д. Подобные примеры приводятся и по другим элементам материальной культуры. Авторы на основании изложенного материала делают закономерный вывод о том, что русские Приуралья, будучи северными великороссами, представляют своеобразную их группу.

Разделение рассматриваемой территории (по материалу жилищ) на две крупные области свидетельствует об основных колонизационных путях, по которым шло заселение Приуралья русскими.

В рассматриваемой статье, кроме характеристики сельского населения, дается описание жилищ, одежды, пищи и домашней утвари русского населения заводских поселков и фабричных сел и деревень.

Известно, что формирование рабочего класса на уральских заводах происходило за счет русского населения различных (преимущественно центральных) областей нашей

¹ А. Карелин, Бродячая Русь, журн. «Северный вестник», 1894, № 4, апрель, стр. 1.

страны, а также нерусских народов Поволжья и Приуралья. Развитие экономических связей, частые перемещения заводского населения способствовали выработке общих черт быта, нивелировали бытовые особенности отдельных этнографических групп. Следует иметь в виду и особенности развития уральской промышленности, наложившей своеобразный отпечаток на бытовую уклад рабочего класса.

В работе имеются, на наш взгляд, некоторые неясности. Например, сказано, что «мужская лавка ставится близ переднего угла. На ней мужчины чинят в зимнее время упряжь, сбрую и выполняют другие хозяйственные работы» (стр. 93). Очевидно, следует считать, что мужская лавка служила местом, где в прошлом чинилась упряжь, так как сейчас этим в избе уже никто не занимается, кроме колхозного шорника, да и тот чинит сбрую в специальной мастерской.

Явно устарели приводимые сведения о том, что электричество имеется лишь в пригородных деревнях и городских поселках. На 1 января 1960 г. все совхозы в Татарской АССР, Кировской, Пермской и Свердловской областях были электрифицированы полностью. Электрификация колхозов составляла: в Татарской АССР — 58%, Пермской — 65%, Кировской — 69%, Свердловской — 86%². На стр. 147, говоря о распространении пельменей, указывается, что «русское население многих областей, кроме Урала и Сибири, этого блюда не знало». С этим вряд ли можно согласиться.

Третья крупная работа — О. А. Ганцкой, Н. И. Лебедевой, А. С. Парниковой, В. А. Горелова, посвящена русскому населению Орловской, Липецкой, Курской и Белгородской областей. Это древняя территория расселения славянских племен. В формировании этнического состава этого края приняли участие: древнее местное население, служилые люди Московского государства, вольные сходцы и крепостные крестьяне, переселявшиеся из других мест. Авторы характеризуют хозяйство, поселения и жилище, одежду, пищу и утварь всех социально-экономических и культурно-исторических групп русского населения исследуемых южновеликорусских областей, выявляют общие характерные черты, типичные для всей территории в целом, и вместе с тем указывают на порайонные различия, обусловленные сложной историей заселения края и формирования здесь русского населения. Автор раздела «Одежда» Н. И. Лебедева выделяет три комплекса женской одежды, которые в свою очередь подразделяются на несколько разновидностей. Делаются выводы о происхождении того или иного комплекса. К сожалению, Н. И. Лебедева не применяет картографического метода (как это сделано у Г. С. Масловой) к показу территориального распространения не только комплексов в целом, но и отдельных элементов одежды (поневы, сарафана, кокошника и др.), что уменьшает наглядность восприятия разнообразной традиционной народной одежды и размещения ее на рассматриваемой территории. Это замечание следует сделать и в отношении статьи Н. И. Лебедевой «Этническая характеристика отдельных групп русского населения Орловской, Курской и Липецкой областей», являющейся как бы итогом предыдущей работы. Показ размещения отдельных групп русского населения на карте был бы очень желательным и облегчил бы понимание ряда вопросов, связанных с взаимовлиянием русских рассматриваемой территории и других областей нашей страны. В этом одно из больших преимуществ карты перед текстом (даже самым хорошим), которое нельзя недооценивать. Нам кажется, что в работе недостаточно четко показываются изменения, которые комплексы одежды претерпели в конце XIX — начале XX в. Судя по другим районам расселения великороссов, эти изменения в конце XIX в. часто приводили к полной замене одного комплекса другим.

На стр. 193 отмечается три типа внутренней планировки жилища (по размещению печи и переднего угла). Один из них — белорусско-украинский тип. Его распространение среди русского населения объясняется культурным влиянием украинцев. Неясно, давно ли русские восприняли украинскую планировку и почему? Может быть она удобнее, практичнее? В Среднем Поволжье, например, наоборот, переселившиеся украинцы почти повсеместно восприняли центральновеликорусскую планировку, что объясняется ее несомненным преимуществом перед украинской в соответствующих природно-географических условиях.

На стр. 198—199 говорится, что обследованная территория делится на две части: в одной преобладает открытый двор, с разобщенными постройками, в другой — полужакрытый. Неясно, чем вызвано такое разделение — природно-географическими условиями или традицией.

Большую ценность представляют рисунки и фотографии Н. Яснецкого, сделанные им в Псковской области еще до гитлеровской оккупации. Это дало возможность сохранить для истории общий вид сельских жилищ, внутреннюю планировку, основные размеры построек, технику строительства жилых домов и различных хозяйственных сооружений более чем столетней давности, как известно, варварски уничтоженных фашистами в период Великой Отечественной войны.

В целом рецензируемый сборник содержит очень большой, интересный и нужный материал. Собранные в экспедициях и изложенные в рассмотренных работах данные имеют значение не только для составления русского историко-этнографического атласа (для которого, собственно, и были организованы упомянутые экспедиции). Участвующие в экспедиции авторы настоящих работ, крупные специалисты, сделали значительно

² «Народное хозяйство РСФСР в 1959 году. Статистический сборник», М., 1960, стр. 360—361.

больше поставленной перед ними задачи. Изданный труд важен для историков, археологов, лингвистов и ученых других специальностей, занимающихся историей русского народа и его культуры.

Работа имеет несомненное практическое значение. В наше время наряду с быстрым исчезновением старых бытовых форм некоторые элементы национальной культуры (расцветка и орнаментика тканей, отдельные детали жилища, одежды и утвари) в несколько видоизмененном виде продолжают бытовать в новых социально-экономических условиях. Народы нашей страны, строя культуру, социалистическую по содержанию и национальную по форме, заимствуют от старого быта все ценное, что создано в течение длительного исторического развития. Отсюда важность изучения национальной культуры для архитекторов, работников легкой промышленности и всех других, кто своим трудом стремится полнее удовлетворять растущие материальные и духовные потребности многонационального советского народа.

Желательно издание работ, характеризующих культуру и быт русского населения других районов Советского Союза.

Е. Бусыгин

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Джузеппе Коккьяра. *История фольклористики в Европе*. Перевод с итальянского. М., 1960, 690 стр.

Появление этой книги, надо надеяться, составит некоторое событие в нашей фольклористике. Книга важна не только тем, что содержит большой фактический материал. Она показывает значительность фольклористики как науки. Коккьяра понимает фольклористику исторически. Ее основная проблема — проблема народности не одного народа, а всего человечества, объединяемого общностью своих лучших устремлений. Коккьяра знает, что «история делается не только и не столько угнетателями, сколько угнетаемыми. История — это их жизнь и их душа» (стр. 20). Задачу фольклористики он ставит очень широко: «Изучение фольклора выходило всегда за духовные и культурные границы одного народа, приводило к более широким обобщениям, к установлению связей между народами». Это не противоречит патриотическим устремлениям каждого народа в отдельности: «Пусть народы живут в согласии, прислушиваясь к своим голосам, в которых одновременно звучит и голос всего человечества». «Это приведет к сохранению самого сокровенного достоинства каждого народа, каждой нации, ибо стимулируется патриотическими чувствами. Это — не словесная декларация. Вполне закономерно, что после книги, посвященной истории фольклористики в Италии («*Storia degli studi delle tradizioni popolari in Italia*», Palermo, 1947), Коккьяра должен был написать книгу по истории фольклористики в Европе («*Storia del folklore in Europa*», Torino, 1952).

Труд Коккьяры отнюдь не является справочником и не может служить им. Хотя фактический материал очень велик, охвачено далеко не все; автор к этому не стремился, да это было бы и невозможно. К каждой главе даны им примечания библиографического характера, которые позволяют любому читателю, если бы он этого захотел, самостоятельно расширить круг своих наблюдений. В этих примечаниях с большим знанием дела отобрано для каждого раздела все самое ценное и нужное — от крупных монографий до мелких статей на многих языках Европы. Русские труды даны в переводах. Книга имеет введение, разделена на шесть частей и состоит из тридцати глав. В введении дается общее определение задач фольклористики, а в последующем изложении эти задачи конкретизируются. Угнетенные люди для Коккьяры — это и обитатели колоний, и эксплуатируемые классы метрополий. Соответственно, историю фольклористики он начинает не с XVIII в., как обычно, а с открытия Америки. Изложение фольклористических учений дается в рамках основных течений общественной мысли. Первая часть кончается Монтеスキе и Вольтером, вторая названа «Между просвещением и преромантизмом», третья в основном посвящена романтизму, четвертая — позитивизму; несколько иначе материал рассматривается в пятой части, которая посвящена английской антропологической школе. Заключительная глава носит название «Фольклористика за последние полвека». В эту схему уложена вся европейская наука, включая русскую. В пределах ее читатель найдет много увлекательных страниц. Укажем, например, на блестяще написанные характеристики Бенфея, Гастона Париса, Бедье, Питре, Мангардта, Ван-Геннепа и многих других. Коккьяру интересуют не только их академические труды, но и тип каждого ученого, образ его мышления. Особенной убедительности автор достигает тогда, когда рисует преемственность взглядов, рождение и развитие школы. В этом отношении особенно удачными можно назвать главы XVII («По стопам Бенфея») и XVIII («В романском мире»).

Надо подчеркнуть, что Коккьяра дорожит русской наукой и понимает ее значение. Его книга завершается разделом, озаглавленным «Призыв Максима Горького» (стр. 561—564) и кратким изложением принципов советской фольклористики по